

Е. А. КОЛПАКОВА, Е. А. ЧЕРНОВ
Республика Беларусь, г. Минск

ИСТОРИКИ И ИСТОРИЯ: ОПЫТ ПРОЖИВАНИЯ ПЕРЕЛОМНЫХ ЭПОХ

Одним из перспективных направлений возможного саморазвития историографии как самостоятельной области научного познания видится движение по линии «феномен историографии – феномен историка», изменение основного вопроса от «что?» и «как?» к вопросу «кто есть историк?».

Если подойти к истории исторической науки XX ст. не как к процессу, детерминированному внутренней логикой развития научного исторического познания, а к его составляющим (отдельным дисциплинам) как к части этой системы, то можно констатировать, что антропологический поворот исторической науки в XX в., сказавшийся на подходах к изучению самого исторического процесса, не охватил всех ее частей.

История исторической науки все же есть история, субъектами которой выступают историописатели-историки. Однако, несмотря на огромный интерес к историографическим проблемам, характерным для упомянутого выше научно-исторического пространства, к самому феномену антропологического поворота в исторической науке, историография как особая дисциплина, с нашей точки зрения, такого поворота не пережила. На первый взгляд это кажется неверным, т. к. персоналогические сюжеты представляются доминирующими в историографических исследованиях на протяжении всей их истории. Но при внимательном рассмотрении обнаруживается, что как бы ярка и значительна ни была такого рода историографическая продукция, с методологической точки зрения она не вполне отвечает критериям антропологического поворота, так как в целом в ней субъект историографического процесса – историк – выступает не целью, а средством.

Антропологический поворот в историографии, на наш взгляд, означает изменение исследовательского ракурса в сторону раскрытия сущности феномена ученого-историка (в том числе и постановки вопроса: можно ли говорить о феномене?). Логическим обоснованием возможности и даже необходимости такого поворота являются типологические черты, которые вызвали само это явление в научно-историческом познании XX в., а именно, недостаточность для достижения синтеза средств и результатов, получаемых в парадигме вопросов «что?» – «как?» – «почему?». Вопрос «кто?» относительно историка – это не поиск ответа номинативного характера. За этим «кто?» стоит система вопросов, могущих быть представленными в самой этой разверстке: «что?» – «как?» – «почему?». Следовательно, речь идет о вопросе «кто такой историк?». В идеале, если бы удалось вывести «формулу историка», то тем самым были бы открыты пути достижения синтеза относительно историографического процесса.

Другим обоснованием выступает осознание того, что природа историографии, как и всего исторического, рефлексивная, самопознающая. И с этой точки зрения оправданием историографии как особой области исторического познания, как было показано в целом ряде исследований, в частности профессора И. И. Колесник, является то, что это рефлексивная составляющая исторической науки. Но если перевести это на язык антропологический, то человек-историк через историографию познает себя как такового.

Однако, судя по замыслам организаторов конференции и общему настроению в цеху современных историков (особенно постсоветских), есть стремление преодолеть теорети-

зирование по поводу исторической науки, при этом не утратив того позитивного, что формируется на уровне теоретическом, есть стремление соединить (как архаически это не выглядит) теорию с практикой. Вполне разделяя эту устремленность, мы, во-первых, считаем необходимым отметить, что выше предложенное есть не столько результат теоретизирования, сколько результат наблюдения над тенденциями развития историографии как истории исторической науки и смежных с нею областей (философии и методологии истории). Во-вторых, эти рассуждения были необходимы нам как теоретическое обоснование задуманного исследовательского проекта, названного нами «Историки и история». Бросающаяся в глаза инверсия, примененная в названии, призвана подчеркнуть концептуальный смысл, основной замысел проекта. В качестве исходной позиции берется представление о том, что независимо от того, рождаются или становятся историками, в ходе рождения-становления личность обретает (и обретает ли?) устойчивую составляющую ее идентичности, именной признак которой и будет определяться словом «историк».

Само собой разумеется, что историк не только постигает историю, но живет в ней, становясь соучастником, современником, а следовательно, субъектом-творцом новых «пластов» истории. При этом уместно напомнить, что историк выступает творцом истории и в буквальном, и в переносном смысле этого слова, так как в образе научно-исторического познания, сформировавшемся в XX в., субъективная творческая роль историка по отношению к объекту своего познания закрепились в качестве неотъемлемой черты. Исходя из этой предпосылки, мы полагаем, что «проживание» историком современной ему истории может выступать самостоятельным объектом исследовательского изучения, но не под традиционным углом зрения как контекста в изучении научной деятельности, а как индикатора, через который раскрывается специфика профессионально-исторического выявления степени, уровня воздействия профессиональной деятельности на личность историка.

Есть основания предполагать, что историк в непосредственном столкновении с ходом истории переживает ее по-иному, нежели другие люди. Так это или не так? И если так, то как? Именно эти нехитрые вопросы поставлены во главу угла исследовательского интереса. В связи с их постановкой возникают типичные проблемы: «через что» наиболее перспективно искать ответы на поставленные вопросы?

Ответ на вопрос «через что?» означает как опору на собственно биографический материал, так и на основной круг возможных источников. Применительно к первому мы полагаем, что наиболее перспективным является вычленение в биографическом потоке тех этапов в жизни историка, когда он выступал современником событий.

Относительно же второго, источниковедческого, аспекта возможность результативности подобного исследования зависит от наличия комплексов источников, которые чаще всего рассматривались в историографической практике как интересные, но дополнительные: эпистолярные, дневники, воспоминания, другие записи мемуарного характера.

Реализация задуманного проекта требует коллективных усилий с вовлечением в процесс изучения широкого круга историков, представляющих украинскую историческую науку конца XIX – начала XX в., которая формировалась в интеллектуальной и социокультурной ситуации Российской империи этого времени. И, следовательно, в качестве «роковых минут» истории избраны Первая мировая война, революция, Гражданская война и утверждение советской общественно-политической системы.

При поиске и отборе персонажей историков мы руководствовались также требованием, чтобы ко времени, «когда разверзлись все хляби небесные», они (историки) были уже вполне сложившимися профессионалами и людьми с солидным жизненным опытом и чтобы результатом этого «проживания-переживания» было «выживание-выживание» в новых условиях.

Наблюдение над процессом «переживания» историками отмеченных периодов подтверждает исследовательские возможности поставленной проблемы, во-первых, и раскрывает новые методологические потенции, во-вторых. Избранный ракурс исследования предполагает привлечение методологического инструментария психологии, хотя вместе с тем возникает опасение возможного смещения акцентов в сторону психологизации, при которой историк-профессионал опять становится не целью, а средством.